

Ирина ОТИЕВА:

«МОИ НАДЕЖДЫ ОКАЗАЛИСЬ БЛЕФОМ...»

2.12.93

Откровения популярной певицы



Мода на разного рода рейтинги охватила чуть ли не все области нашей жизни: политика, экономика, культура, спорт... Что касается безбрежного мира эстрады, Ирина ОТИЕВА, мне кажется, никак не вписывается в умело регулируемые классификации: она — ни рок-, ни поп-певица, хотя по известности не уступает ни тем, ни другим «звездам», поющим для массового зрителя. Поэтому наша беседа — своеобразная попытка поиска внешне неприметной «системы координат», которую она для себя выстроила.

— Кого вы считаете вашими «крестными» в искусстве?

— Прежде всего композитора Юрия Чугунова: У него, руководителя вокального джазового ансамбля, я начинала в Москве 18 лет назад. Среди духовных учителей назвала бы педагога музыкального колледжа имени Гнесиных Мирру Коробкову. «Поставившую» мне голос. Проработав примерно год, но очень плодотворно, с известным пианистом Игорем Брилем, надолго перешла в оркестр Олега Лундстрема... А любимым певцом и композитором в родном для меня стиле «Soul» («Душа») был и остается Стиви Уандер.

— Пытались ли вы когда-нибудь сформулировать свою главную мечту и главную надежду в искусстве?

— Когда-то была одна сверхидея: мне казалось, что с помощью правильно выбранного репертуара и пения, красивого, интеллигентного, можно будет перевоспитать хотя бы часть нашей публики. Надеюсь: чем больше окажется хорошо обученных музыкантов, знающих классику, философию, тем быстрее удастся привлечь людей к большому искусству. Мои наивные надежды и мечты оказались, к сожалению, полным блефом. Потому что никого и ни к чему невозможно насильно приучить. Если человек не может (не хочет) слушать Баха, ничего не поделаешь.

— Кто, на ваш взгляд, те слу-

шатели, которые непременно приходят на ваши концерты?

— В основном серьезные люди из науки, чаще всего гуманитарии. «Свою» публику, чего скрывать, чувствую по дыханию зрительного зала.

— Могли бы вы «расшифровать» секреты вашего восхождения на звездный Олимп?

— На всех конкурсах я выступала с джазовыми песнями, а поскольку в те годы многие знали, что подобные номера и очень сложны, и не слишком популярны, то воспринимали мое поведение на сцене как дерзкий вызов обществу. Меня спасало лишь то, что среди членов жюри подобных конкурсов оказывались Иосиф Кобзон, Мурад Кажлаев, тот же Лундстрем, всегда считавшиеся профессионалами. Остальные, не воспринимавшие то, что я пою, не могли не удовлетвориться моей классической выучкой. Но все радости для меня заканчивались после вручения призов за первые места.

И тогда, и теперь, чтобы «держать марку», певец зачастую вынужден петь шлягеры, легкие, прилаженные, именно их я ни разу не включала в свой репертуар. Поэтому и никогда не пользовалась популярностью массового слушателя. Нет, однажды случилось исключение, подтвердившее известное правило: вечно «молодая» песня Рыбникова со словами — «Я улыбаю, и время несет меня с

краю на край...» Но это был всего лишь эпизод. А вообще в нашем эстрадном цехе теперь складывается ситуация намного худшая, чем в минувшие годы.

— То есть, если я вас правильно понял, «звездный» успех не в призовых местах на престижных конкурсах, а в определенной сумме «зеленых», которые нужно вложить в «раскрутку» песни, ее видеоклип?

— Безусловно. Нынче не просто, а очень просто, допустим, из вас, не имеющего прямого отношения к музыке, «вылепить» эстрадную «звезду»-высочку. Надо только иметь в кармане примерно 100 тысяч долларов. Поверьте, спустя месяц вы начнете собирать битком наполненные зрительные залы. Минимальная цена приличного видеоклипа — 25 тысяч долларов. Чтобы «запуститься» в авангард отечественной эстрады, необходимо иметь не менее 3—4 клипов. Так что вышеназванная условная сумма сегодня — отнюдь не сумасшедшая цифра.

— Искренне сочувствую вам, другим, не менее талантливым вашим коллегам. Однако каким образом вы, Ирина, до сих пор держитесь «на плаву»?

— Перебиваюсь случайными гонорарами. Поэтому житье-бытье, мягко говоря, не радостное. Когда я успешно пела джаз, признаюсь, ничего не успела заработать для себя. У меня нет ни квартиры, ни дачи, ни машины. Даже сейчас, как видите, мы беседуем дома у подруги, где временно живу. Угнаться за дикими ценами родного рынка я не в состоянии.

— Значит, как это ни звучит банально, вам нужен спонсор?

— Действительно, жизненно необходимы люди, которые могли бы безвозмездно вкладывать средства в то, что я умею профессионально делать (пластинки, видеоклипы, концерты)...

— И вы нашли добрых меценатов эстрады, чем-то похожих на знаменитых Морозова и Манташева?

— Пока, к сожалению, нет. Правда, есть один добродетельный человек, но его помощи недостаточно. При всем желании не могу утверждать, что мои богатые соотечественники из армянских общин протягивают руку помощи. Они меня знают, любят, гордятся мной, но ничего путного не делают. Видимо, не до искусства, когда на родине воюют, мерзнут, голодают...

— Когда так тяжело в жизни или на работе (что для вас, насколько понимаю, одно и то же), на кого или на что вы рассчитываете?

— Искренне только на себя. Всегда и в любой ситуации. А депрессии мне свойственны. Впрочем, как и многим людям творческих профессий.

— Хорошо зная, что большинство мужчин в подобных ситуациях нередко «уходят» в загул (в загул в разных видах), любопытно узнать, как вы, обаятельная женщина, «выплываете» из кризисов?

— Каждый раз по-разному. Иногда возникает острое желание оставаться в полном одиночестве. При этом читать, чи-

тать... Однако бывает столь тяжело, что и этот «рецепт» не выручает: тупо утыкаешься в одну страницу, абсолютно не воспринимая любой текст.

— Если не секрет, что это за книги, которые спасают вас от уныния?

— Уже полжизни, лет 15—17, я постоянно перечитываю «Розу мира» Даниила Андреева. «Ныряя» туда, каждый раз открываю для себя что-то новое.

— Вы можете самостоятельно и без подсказок критиков определить собственный рейтинг в искусстве?

— Мне кажется, я — крепкий «середняк». На моем веку очень многие «звезды» погасли, ушли в небытие. Однако я держусь изо всех сил.

— Отмечая вашу скромность, тем не менее попытаюсь высунуть: могло ли так сложиться в вашей жизни, что вы бы пошли не по стезе искусства?

— Наверное, я могла стать хорошим врачом. Эта профессия заложена во мне генетически. Можно сказать, я родилась в больнице. Там работали мама, папа — хирург, сестра, дедушка, дядя, ближайшая подруга. Случалось, что я... ассистировала на операциях. И это мне нравилось до сих пор — медицину люблю чуть-чуть меньше джаза.

— Вы никогда не жалели, что не последовали их примеру?

— Нет, конечно. У меня пока есть что сказать людям с эстрады. Теперь нередко предлагают заняться по совместительству педагогической деятельностью, в частности, в родном колледже имени Гнесиных. Знаете, сейчас появилось много талантливых 16—18-летних ребят, которых надо вовремя направить, с точки зрения профессионального, вокального мастерства.

— Неужели вы не согласились подрабатывать, так сказать, по профилю, тем более что у вас, как и у многих коллег в искусстве, нынче трудная пора?

— Нет, я не имею права преподавать. Могу только консультировать, но не больше. Поэтому всегда искренне удивляюсь, когда узнаю, что мои сверстники идут на подобный риск. Педагог — не менее сложная профессия, чем певец.

— Ваша профессия — легкоуязвимая. Наверное, и о вас немало домыслов, слухов?

— Да вы знаете, их сколько?!

Страницы «Труда» не хватит. На днях из Петербурга позвонил напуганный дядя, прочитавший в местном издании о том, что я проиграла в казино все свои деньги и теперь скрываюсь от должников за... границей. Я всегда удивлялась буйной фантазии откровенной «дези»: недавно по первой программе Российского радио сообщили, что, выйдя замуж за иностранца, я укатила в Америку ровно на 7 лет. Еще одна любопытная «утка»: оказывается, я причастна к мафиозным группировкам... Кому нужна эта ерунда? Ведь моя реальная жизнь намного интереснее.

Беседу вел
Георгий АРТЕМОВ.